

Занятость в экономике советской Беларуси в 1920-1930-е годы: гендерный анализ

Вовлечение женщин в промышленное производство началось еще во времена досоветской модернизации экономики. Тогда женский труд был, в основном, малоквалифицированным и низкооплачиваемым. В период первой мировой и гражданской войн наблюдался рост количества женщин в промышленном производстве: они заменили ушедших в армию мужчин. Несмотря на то, что вовлечение в общественное производство считалось большевиками важным моментом на пути к эмансипации женщин, в условиях экономики нэпа эти процессы не могли стать массовыми. Первая половина 1920-х гг. характеризовалась относительной стабильностью удельного веса работниц, во второй же половине двадцатых наблюдался его незначительный рост (табл. 1). Таким образом, к 1 января 1927 г. женщины составили в цензовой промышленности советской Беларуси 28,7% от общего числа рабочих; процент женщин в промышленности Высшего совета народного хозяйства Беларуси (ВСНХБ) был несколько выше – 32,2% [1]. Постепенно увеличивалось и число женщин, занимавших управленческие должности. Этот рост был связан также с протекционистской политикой большевиков. С середины 1924 г. власть обратила особое внимание на положение женщин в промышленности. При Наркомате труда БССР была создана комиссия по охране труда женщин. В число ее функций входило изучение и улучшение условий труда работниц, контроль над продвижением их на более квалифицированные работы, борьба с безработицей.

Таблица 1

Женский труд в цензовой промышленности БССР [1]

Дата	Всего рабочих	Из них: работниц		Всего служащих	Из них: женщин	
1.07.1925 г.	13754	3349	24,3%	1158	92	7,9%
1.01.1926 г.	17026	5018	29,4%	1388	121	8,9%
1.07.1926 г.	19824	5428	27,4%	1639	151	9,2%
1.01.1927 г.	20378	5853	28,7%	1760	161	9,1%

До 1928 г. использование женского труда в основном ограничивалось чулочно-трикотажной (на 1 октября 1927 г. работницы составляли в отрасли 82,5%), очковой (74,4%) и льнопрядильной (70,1%) промышленностью [2]. Значительное количество женщин было занято в швейной и текстильной промышленности. Многие женщины выполняли неквалифицированные работы, отставали по квалификации от мужчин на 2-3 разряда даже в отраслях с преобладающим женским трудом. В результате зарплата работниц была низкой [1, д. 102, л. 13]. Выдвижение женщин на более квалифицированную работу

проводилось в небольших масштабах и сталкивалось с определенными трудностями, особенно там, где женский труд ранее не применялся. Руководство предприятий часто недоброжелательно относилось к таким выдвиженкам, не оказывало помощи в работе и стремилось заменить их мужчинами [1, д. 46, л. 322].

В 1920-е гг. одной из серьезных экономических проблем являлась безработица. Если в январе 1925 г. по республике женщины составляли 33% от общего числа безработных, то на первое сентября 1926 г. – уже 44%, причем проявлялась устойчивая тенденция к росту женской безработицы [1, д. 76, л. 103; д. 102, л. 15]. В крупных городах удельный вес женской безработицы осенью 1926 г. был еще выше и составлял 52% в Минске и 54% в Витебске. Хотя количество безработных женщин было сопоставимо с количеством мужчин, стоит учитывать, что довольно часто сокращались беременные женщины, матери-одиночки, хотя борьба с подобным явлением велась. К тому же большинство безработных женщин имели низкую квалификацию или не имели никакой специальности, что мешало им найти работу [3]. Процент женщин, отправляемых биржами труда на общественные работы, был низок, так как нормы работ были слишком высоки, и женщины не могли выполнить их [4]. Главным образом, женщины направлялись в трудколлективы – предприятия, организуемые биржами труда. Однако и здесь преобладали мужчины. Так, на первое августа 1925 г. в трудколлективах Минска было занято 2167 человек, из них 546 женщин; на первое ноября 1925 г. – 1670 человек, из них 432 женщины [4, д. 89, л. 38]. В Витебске организовывались специальные трудколлективы для безработных женщин: шапочников, портных, парикмахеров и др. [3, д. 229, л. 15].

Безработные женщины оставались без заработка, но не без работы в строгом смысле этого слова. Они продолжали заниматься домашним хозяйством: готовили пищу, чинили и шили одежду, стирали и убрали. Безработные мужья редко оказывали помощь женам в домашних делах.

Основной сферой применения труда сельских женщин в советской Беларуси 1920-х гг. было единоличное хозяйство. Здесь сохранялось традиционное разделение работ на мужские и женские. Вся работа по дому и в огороде, бытовое обслуживание мужчины считалось делом женских рук. Мужчины занимались, в основном, полевыми работами, хотя и здесь не обходилось без помощи женщин, например, при уборке урожая. Однако в 1920-е гг. многим женщинам, мужья которых погибли на войне или стали инвалидами, приходилось самостоятельно вести хозяйство.

Патриархальное разделение труда было характерно и для коллективных хозяйств. Проведенное в 1927 г. женотделом ЦК КП(б)Б обследование работы среди женщин в колхозах, охватившее шесть хозяйств Оршанского округа и два – Могилевского, выявило, что женский труд занимает в них незначительное место. Только в коммуне «Рассвет» Оршанского округа животноводством целиком занимались женщины. В остальных же хозяйствах женщины, в основном, занимались домом и выполняли некоторые вспомогательные работы. Если в колхозах имелись машины, заменявшие традиционный ручной труд женщин (жнейки, сноповязалки и др.), то на этих машинах работали мужчины. Уровень заработной платы колхозниц был на 20-50% ниже. Нужно отметить, что женщины не стремились к активному участию в коллективном труде, говоря: «нам няма часу, нам хватае работы ў хаце» [1, д. 105, л. 32].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР начинается осуществление индустриального рывка, направленный на модернизацию советского общества, превращение его из еще во многом аграрного в индустриальное. Этот рывок не только изменил структуру экономики, обеспечил ускоренную урбанизацию, но и повлиял на изменение статуса и баланса различных социальных групп, затронув, в том числе, женщин.

Самые значительные изменения происходили в производственной сфере. Новостройки первых пятилеток потребовали огромного количества рабочих рук. Органы труда СССР стали испытывать острый недостаток в рабочей силе. Так, с июля по сентябрь 1930 г. они не могли удовлетворить заявки предприятий и строок на 1 млн. 67 тыс. рабочих и служащих. Дефицит рабочих рук испытывали предприятия и новостройки БССР. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г. «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» утверждало, что «принятый пятилетний план народного хозяйства обеспечивает огромный рост промышленности на базе реконструкции и социалистической модернизации, которая в отличие от капиталистической рационализации, основанной на эксплуатации рабочей силы, дает возможность, без ущерба для функций материнства, расширить применение женского труда в производстве, в том числе и в тяжелой индустрии, ... особенно в механических цехах и машиностроении» [5]. Начинается массовое вовлечение женщин в общественное производство.

В 1930-е гг. структура женской занятости усложняется. С одной стороны, началось массовое использование женского труда на физически тяжелых работах, освоение профессий, бывших до этого монополией мужчин. Так, на январь 1939 г. удельный вес женщин среди фрезеровщиков в БССР составлял 22,2%, среди литейщиков и формовщиков – 14,4%, среди токарей – 5,8% [6]. Во время сверхнапряжения 30-х гг. повсеместно нарушались запреты труда женщин в ночное и сверхурочное время, правовые акты о нормативах переноски и передвижения женщинами тяжестей 1932 г. С другой стороны, усилилась «феминизация» текстильной, пищевой промышленности, преимущественно женскими становятся профессии продавцов, поваров, кассиров, работников детсадов, почтово-телеграфной службы. Женщины начинают преобладать в сфере культуры и образования. Значительная часть женщин, пройдя школу ФЗУ, различных технических кружков, курсов переподготовки, опираясь на помощь ударников и настоящих стахановцев, повышали квалификацию, набирались знаний и опыта. В стране открылись перспективы социальной мобильности. Женщины, через вовлеченность в промышленное производство получали возможность профессионального роста, выбивались в разряд технической интеллигенции, занимали места в выборных общественных организациях. Вместе с рабочими мужчинами они становились выдвиженцами-практиками (табл. 2).

Таблица 2

**Удельный вес женщин в промышленном производстве БССР
к общему числу рабочих и ИТР, % [7]**

Отрасли промышленности	Состав рабочих				Среди ИТР		
	1928 г.	1932 г.	1937 г.	1938 г.	1932 г.	1937 г.	1938 г.
Вся промышленность	29,8	42,2	45,4	48,5	9,3	19,0	21,1
Электроэнергетика	–	6,2	13,6	15,7	3,8	12,3	13,6
Торфяная	26,5	37,7	37,1	36,8	5,1	8,2	8,3
Химическая	29,4	40,1	38,1	42,4	17,7	33,7	32,0
Стройматериалы	20,7	31,6	34,1	38,5	1,7	5,6	5,4
Металлообрабатывающая	3,9	15,6	14,5	17,5	2,3	10,5	10,8
Деревообрабатывающая	12,8	28,2	35,4	36,0	3,5	10,2	11,3
Спичечная	61,0	61,5	60,4	59,0	14,2	23,1	31,6
Бумажная	24,1	34,4	48,9	47,8	5,9	28,9	24,3
Полиграфическая	22,4	43,4	53,0	56,9	1,1	5,6	6,5
Текстильная	66,4	66,3	63,9	67,0	13,8	16,9	22,9
Швейная	42,6	69,0	81,5	81,1	19,4	35,0	34,8
Кожевенно-меховая	6,4	39,1	50,9	51,9	4,9	20,2	19,3
Обувная	7,2	33,4	47,4	52,2	2,0	8,0	10,3
Пищевая	31,0	33,9	46,6	46,5	8,6	25,7	30,9

Модернизация 30-х гг. сделала женщину активной участницей индустриальных преобразований. Однако никто не избавил ее от обязанностей рожать, растить и воспитывать детей, восстанавливать жизненные силы всех членов семьи. Интересы общества в целом, предприятия в частности, и интересы собственно женщины и ее семьи далеко не всегда совпадали. Производственная функция и семейно-бытовая функция, слагающие женскую занятость, часто противоречили друг другу. В Конституции 1936 года в статье 122 говорилось: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчинами во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов» [8].

Заметные успехи были достигнуты в развитии здравоохранения, решении проблем охраны материнства и детства. В БССР появились специальные женские и детские медицинские учреждения, ширилась сеть дошкольных учреждений. В 1940 г. в республике насчитывалось 1316 таких учреждений (детские сады, ясли, ясли-сады), в которых находилось 63 тыс. детей, 414 из них располагалось в сельской местности и охватывало 10,3 тыс. детей [9]. Однако надо помнить, что 79% населения проживало в селах, а значит, детских учреждений там все же было катастрофически мало.

Значительная часть крестьянок отрицательно восприняла коллективизацию, активно протестуя против обобществления имущества и раскулачивания [3, д. 764, л. 248 – 249; ф. 2-п, оп. 1а, д. 61, л. 91]. С другой стороны, часть женщин-батрачек и беднячек, как и мужчин, восприняли коллективизацию позитивно, участвовали в раскулачивании, становились членами сельсоветов, правлений колхозов и даже их председателями [3, ф. 102-п, оп. 1, д. 287, л. 9]. Затем жизнь заставила смириться и остальных женщин с существованием колхозов. Что-то стало меняться к лучшему, стабилизировалась проблема приусадебных участков, работали колхозные рынки и т.д. Хотя Сталин в 1933 г. назвал женщин в колхозах большой силой и призвал пустить эту силу в дело, стремясь стимулировать вовлечение их в колхозный труд и на руководящие должности, изменения в занятости колхозниц в 1930-е гг. не были значительными. Работа женщин в колхозах носила, в основном, сезонный характер; до 80% их времени уходило на труд в личном подсобном хозяйстве, что приносило и денежный доход, и продукты питания. Кроме того, уход за детьми и их воспитание по-прежнему возлагались на женщину.

Миграция значительного количества мужчин в города и на стройки первых пятилеток, а также протекционистская политика большевиков расширяли возможности для самореализации женщин в сфере колхозного труда. Главным образом, женщины занимались животноводством, уборкой и обработкой льна. Появились и женщины-механизаторы. Если в 1933 г. в БССР насчитывалось 249 трактористок, то в 1938 г. их было уже 1226 (8% от общего числа). Среди комбайнеров женщин было 216, или 25,8%. В то же время, женщинам было непросто занять руководящие должности в колхозе. Так, на январь 1939 г. среди председателей колхозов женщин было всего 2%, среди заведующих фермами – 1,2%, среди бригадиров полеводческих бригад – 2,2%. Несколько выше был удельный вес колхозниц среди бригадиров животноводческих и тракторных бригад – 5,5% [6, с. 98].

Одним из факторов, оказывавших непосредственное влияние на производственный и общественный статус мужчин и женщин, стало стахановское

движение, начавшееся в 1935 г. Стахановцы превращались в новую элиту общества, своеобразную рабочую аристократию, получавшую за свою часто действительно героическую работу уже не только моральное, но и весомое материальное вознаграждение. Партия всячески поднимала престиж передовика производства, ударника колхозных полей. Рабочие и работницы белорусских предприятий активно включились в стахановское движение. В частности, на минской обувной фабрике им. Л. Кагановича на 1 февраля 1936 г. из 330 стахановцев женщины составляли 39,4 %, на могилевском кожзаводе им. И. Сталина из 212 – 39,2 %. Еще более значительным было количество стахановок на предприятиях с преобладающей женской рабочей силой. Так, на швейной фабрике им. Н. Крупской в Минске, где женщины составляли 89 % от общего числа рабочих, процент стахановок достигал 97,5 [10].

Соответственно росту эффективности труда повышалась зарплата, однако ее уровень мог обеспечить лишь элементарные жизненные потребности. Сортировщица 7-го разряда щетинного комбината Демиденко, выполнив план на 306,8%, получила на ноябрь 1935 г. 406 рублей. Она одна воспитывала пятилетнего ребенка. Зарплата была израсходована следующим образом: 36 руб. было уплачено за 2 месяца за детсад, 28 руб. – за квартиру за 3 месяца, ребенку были куплены кукла (10 руб.) и балалайка (8 руб.), 15 руб. потрачено на книги, а остальное – на питание. Как говорила Демиденко: «Я начала хорошо питаться и обращаю особое внимание на воспитание ребенка, чтобы он рос и воспитывался в лучших условиях, чем я, собираю деньги на зимнее пальто, на театры и кино средства не трачу, ибо получаю бесплатно от фабкома» [3, ф. 102-п, оп. 1, д. 365, л. 48]. Стахановцы имели приоритет в обеспечении жильем и в медобслуживании, им выделялись бесплатные постоянные места в кино, театре, цирке. В столовых предприятий для них устраивались специальные столы. Стахановки получали возможность продвигаться по служебной лестнице, что способствовало появлению новой прослойки техников и инженеров-практиков женского пола. Типичным является пример стахановки Ксении Евсютиной, которая в 1937 г. стала заместителем директора минской фабрики «Октябрь».

Работницам, переходившим на стахановские нормы, приходилось выдерживать значительные физические и психологические нагрузки. Это справедливо даже в отношении работниц легкой промышленности, не говоря, например, о женщинах-бетонщицах и трактористках. Кроме ударной работы на предприятии на женских плечах оставалось домашнее хозяйство и забота о детях. К тому же, значительная часть рабочих относилась к стахановкам отрицательно. С их достижениями увязывалось увеличение общих норм выработки, а стахановские привилегии вызывали зависть.

Следует отметить, что участие в стахановском движении имело большое значение для женщин и приносило в их жизнь, наряду с некоторыми негативными моментами, определенные положительные изменения. Во-первых, оно расширяло возможности для самореализации женщин в профессиональной сфере. Во-вторых, улучшало их социальный статус, вводя в число новой рабочей элиты, а часто позволяло подняться на управленческие должности. В-третьих, давало чувство сопричастности к великому делу страны – построению социализма. В-четвертых, способствовало повышению уровня жизни семьи. Стахановское движение, в целом, стало одним из факторов, способствовавшим эмансипации женщин, повышению их производственной и общественной активности, и избавлению общества от некоторых гендерных стереотипов.

Модернизационный рывок 30-х гг. во многом изменил образ жизни, социальный статус и мировоззрение миллионов мужчин и женщин Советского

Союза. Ставка на вовлечение женщин в общественное производство принесла свои плоды. Наглядное тому свидетельство: 40% женщин в общем количестве рабочих и служащих БССР. «Социальный лифт» тридцатых годов, несомненно, затронул и женщин, тысячи из которых стали не только высококвалифицированными рабочими, но и врачами, учителями, научными работниками, государственными служащими. Однако мужчины составляли преобладающую часть партии и доминировали во властных структурах, связанных с принятием ответственных решений. С учетом того, что к концу 30-х гг. 79% жителей БССР проживало в сельской местности, изменения в республике на фоне других, более индустриальных регионов СССР, проходили медленнее, втянутость женщин в динамичные социальные процессы этого периода была несколько иной.

Вовлечение женщин в массовом количестве в общественное производство повлекло за собой усиление «двойной занятости». Усложнение производства, требовавшего опыта, знаний и времени для постоянного повышения квалификации затрудняло возможности профессионального роста женщины, т.к. по-прежнему основной работой по дому и воспитанием детей занималась она. Советская женщина не приобрела полного равенства с мужчиной, как ей это обещала Конституция 1936 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Национальный архив Республики Беларусь* (НАРБ), ф. 4-п, оп. 9, д. 111, л. 29.
2. *Промышленность БССР: Итоги и перспективы*. Мн., 1928. С. 36.
3. *Государственный архив Витебской области* (ГАВО), ф.10051-п, оп. 1, д. 420, л. 8 об.
4. *Государственный архив Минской области* (ГАМО), ф. 6, оп. 1, д. 89, л. 36.
5. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. Изд. 8-е. Т.4. М., 1970. С. 273.
6. *Навіцкі У.* Жанчына ў савецкім грамадстве: новы погляд на праблему // Штогоднік Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Мн., 1999. С. 93-109.
7. *Развитие экономики Белоруссии в 1928-1941 гг.* / Под ред. В.И. Дрица. Мн., 1975. С. 65.
8. *Кунгурова Н.И.* Женщина в общественном производстве при социализме: Экономико-демографический аспект. М., 1983. С. 104.
9. *Народное хозяйство Белорусской ССР*. Мн., 1978. С. 260.
10. *Матусевіч М.* Стаханаўскі рух на прадпрыемствах БССР. Мн, 1936. С. 75-76.

SUMMARY

The author analyzes a gender aspect of transformations within the employment structure in the economics of Soviet Belarus in the 1920s – 1930s. The influence of industrialization and collectivization on the women employed in industrial and agricultural sector is examined and the change of their status in the public and private spheres is found out.

Поступила в редакцию 22.06.2003